

В словах повести: «Вся убо христианская царства в конец преидоша и снидошася во едино царство нашего государя по пророческимъ книгам, то есть Росси́ское царство. Два убо Рима падоша, третіи же стоить, а четвертому не быти». Такая точка зрения определялась из сознания возвышения России и веры «в историческое призвание» русского народа. Хронографическая повесть, повторяя буквально слова Филофея, еще раз показывает, что ранее XVI в. она не могла возникнуть. Однако, она — памятник более поздний. Во второй половине XVII в. идеями старца Елеазарова монастыря был проникнут кружок провинциальных ревнителей благочестия, которые любили цитировать Филофея, выступая противниками икононовской реформы. Вообще в XVII в. после «смутного времени» эта идея была особенно в ходу, поэтому и разбираемая повесть, списки которой все принадлежат концу XVII и XVIII вв., возникла не ранее конца первой половины века. Кроме того, вся она проникнута той манерой исторического баснословия, которая из Польши через южноруссов была перенесена в Московскую Русь в XVII в. В хронике Феодосия Сафоновича 1672 г., Синописе Иннокентия Гизеля 1674 г. давались объяснения происхождению русского народа и города Москвы. Последний связывался с именем Мосоха, шестого сына Иафета, внука Ноева. Этим объяснением интересовался дьякон Каменевич-Рвовский в своем «начертании»: «Лѣтописецъ вкратцѣ о Россійстѣй землѣ», доведенном до 1650 г. Можно думать, что появление Хронографической повести о начале Москвы было вызвано желанием противопоставить иноземным гипотезам южных хроник свои объяснения происхождения стольного города. За дело взялся человек начитанный, знакомый с легендой о Кучковичах в версии, возможно, ныне уже неизвестной, с хронографическими повестями, вращавшийся в среде литераторов, публицистов и не чуждый литературного таланта. В разбираемом памятнике налицо все признаки исторического романа в его позднейшем выражении: материал начинает отвлекаться от исторической реальности к поэтическому замыслу, хотя излагаемому придается правдоподобие.

2. Новелла

Списки Хронографической повести не всегда вливаются в общее содержание исторических сборников. Иногда повесть представляет там часть как бы «Московской летописи» и отделяется от остальных статей, иного содержания, киноварным заглавием и законченностью изложения. Так в одной рукописи такая «Московская летопись» называется «Книга великого царствующего»